

Не для служебного пользования

«Кто смотрит на себя – свой видит лик...
Кто видит лик свой – цену себе знает,
Кто знает цену – строг к себе бывает.
Кто строг к себе – тот истинно велик!»

Пьер Гренгор. XVI век

НАШ МИРОНЫЧ

Троллейбусная поэма в трех частях
с эпилогом и не очень хорошим концом

Предприятие «Птичий рынок»
1971-1979 гг.

К 50-летию со дня рождения

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Да, да! Входите! Просим, просим!
Раздвиньте пол и потолок!
Прошу знакомиться: Иосиф
Миронович Айнбиндер... «Док!»

Его в народе называют,
И бесконечно уважают
За то, что он, как древний рыцарь
Противоборствует Судьбе...

Ио...Миронович! Садитесь!
Ну, расскажите о себе!

*

Да что ж рассказывать, ребята?!
Я всю войну прошел солдатом.
Я шел, играя автоматом,
И про себя ругался матом...

В окопах смерти не нашел,
И до Берлина не дошел...

В науку я пошел позднее –
Условий не было тогда:
То были мрачные года,
Причем, чем дальше – тем мрачнее...
Но, тем не менее, всегда
Со мною рядом были – Драбкин,
Орлов, Солошек и Касаткин...

И все куда-то разошлись –
Кто вверх пошел, а кто и вниз,
Того изгнали в медицину,
Тот на других теперь гнет спину...

Таков закон судьбы упрямой:
Ты сам себе копаешь яму,
Иль сам себя на пьедестал
Ты воздвигаешь... Так я стал

Искать пути к науке чистой,

И, как вы знаете, нашел!
Стал кандидатом. Так же быстро
Я прямо в доктора пошел
И защитился очень скоро
(Аж сам себя заважал...)
Но поползли по этажам
По комнатушкам разговоры,
Что, мол, Айнбиндер – «не тово»...
Что хоть наукой и владеет,
Но лишь смесители умеет
Он делать... Правда – ничего,
В аппаратуру ставить можно,
И все достаточно надежно,
Но узок, как специалист...

Мне безразличны эти мненья,
Поскольку сам я – оптимист,
Но вот, начальство из забвенья
Решает вдруг меня извлечь
И говорит такую речь:

«Ванюша наш, хитрец и плут,
Завел в болото институт.
Прошу, Иосиф, нам помочь
И отставанье превозмочь!»

Я понял – это перст судьбы!
Теперь увидят все, что мы
Способны крупные работы
«Переварить» в кратчайший срок!
Подумал я, что перспектива
Всегда нужна для коллектива,
И, ткнувши пальцем в потолок,
Сказал: «Согласен! Дайте срок!»

*

«Ну, ладно!» - мы тогда сказали,
И за два года обещали
Построить «Бету». И сдержали
Свое мы слово точно в срок;
И вот она уже на старте,
Уже пятнадцатый виток,
Двадцатый... сотый... И, представьте,
Год без единой неполадки
И борт по-прежнему в порядке!

*

Успех! Но что ж мы ожидали?
Чтоб в институте увидали,
Что есть здоровый коллектив,
Способный на любое дело,
И, кажется, могли бы смело,
Другой заказ нам поручив,
Создать условия для роста,
Что, как известно, очень просто!

*

Но коллектив предполагает,
Начальство же – располагает.
Про нас забыли. Оставалось
Нам лишь уйти в другой отдел,
От всяких устранившись дел,
Поскольку «Бета» продолжалась.

*

И тут Айнбиндер загулял...
Ему уж все неинтересно,
Чем заниматься – неизвестно,
Его никто не поздравлял
За сей успех. Ему награда
Одни лишь происки Мурада.

И шеф, забыв, что он – начлаб,
Переключается на баб...

*

Но так не может продолжаться
Довольно долго. И ему
Внезапно начало казаться,
Что даже бабы – ни к чему,
Что предназначен от рожденья
Для более высоких дел...
Он баб прогнал без сожаленья,
Сказав: «Наука – мой удел!

*

Да, силой Воли Провиденья
Грехов моих во искупленье
Дана мне Книга вместо баб,
И пусть на годы – снова раб,
Я весел, счастлив бесконечно:
Мой труд! Да будет жить он вечно!
Он будет издан в эсесер!»

Так счастлив был Анри Ампер,
Когда в эпоху заблуждений,
Он, на обломках старых догм
И ложных квазиутверждений
Великим, каторжным трудом
Возвел прекрасное строенье
И вывел мощности закон...
А всю труху без сожаленья
Я из науки вынес вон.

Тогда и стал я гениальным,
Сначала в собственных глазах,
Затем, посредством премиальных
Вселил я в подчиненных страх
И ужас. Стал я популярен,
Всех уверял, что я – талант,
Что доктор Н. – большой педант,
И что не доктор Б. – бездарен,
Что кой-кому из Управленья
Уже на пенсию пора...

И вот уж едут со двора
Гонцы с секретным донесеньем,
Что новый бред-изобретенье
«Кораллом» назван. И чрез год
Судьбы свершился поворот!
Опять, как в прежние года,
Когда не деться никуда,
Меня начальство вызывает
И очень ясно намекает,
Что я работу должен взять
(У Исаака нет народа),
И сдать в последних числах года.
(То есть всего недель за пять).

*

Прикинул я - актив-пассив,
Спросил: «А как же коллектив?»

Где МНЕ народ теперь набрать?
Моих людей вы всех отняли,
И с кем работать мне теперь?
С Вильшанским, что ли?» Верь, не верь,
Но дать людей мне обещали,
И даже помощь оказать...

*

И вот, закончен был проект,
Прошла защита тет-на-тет,
И снова стали ждать с волнением
«Вышестоящего» решения...

А между тем – работы нету,
И вспоминаем снова «Бету»,
Как мы работали ночами.
Как пили кофе и ворчали,
Что лишь одни интеллигенты
Работают за «два процента»...

А Красноярск!? Какой курорт!
Вот где работа – первый сорт!
Весь день на пляже. Вечер – в КИСе,
А в ночь – к какой-нибудь актрисе...
Не верите? А Судьев Вова
Режима и не знал иного...

И вот пришла ж теперь пора...
Считай, что с самого утра
Работы нет ну ни... на йоту..
Ну, нет совсем... Да что – работы!
Заняться нечем. До зевоты
Скучаем все. Но весел Шеф.
Закончить Труд едва успев,
Он снова всех уконтрапупил,
Вторую книгу сдав в печать,
Работа – это просто жупел:
Он третий том решил начать.

Но тут уж все сказали: «Баста!
Вы хоть бы вспомнили о нас-то!
Мы тоже ведь хотим расти!
И нам нужны заказы, темы,
А появляются дилеммы:
Быть может просто взять, уйти

Куда-нибудь в другой п/я
Где платят денег... пусть не зря!»

*

Мы рассказали вам, друзья,
Совсем чуть-чуть из жития
И.М.Айнбиндера. Не скроем,
Быть может, вовсе не героем
Он может показаться вам,
Но сей портрет – лишь отраженье
Случайных черт его лица.
И если он, как подлеца
За совокупность прегрешений
С дерьмом собачим не смешает
Создателя сего труда,
Мы все подумаем тогда,
Что чувство юмора всегда
Ему почти не изменяет.

*Таганка, 1971

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Евгений Камнев»

Ноябрьской мокрою порой
Оставлен нами наш герой
В гостинице «Националь».
Не в силах скрыть свою печаль,
Мы расставались с ним, не зная,
Придется ль встретиться опять,
Вернется ль прежнее волнение,
И предоставит ли печать
Возможность опубликовать
Его иные похождения
Секретных сведений тома
И кучу прочего дерьма...

*

И вот настал желанный миг:
Развязан грешный мой язык!

И то сказать – теперь свобода!
А ведь последние полгода
Никто и пикнуть не могли!!
Профессор встал не с той ноги,
И уж у всех полно работы:
Изволь на письма отвечать!
Изволь отчет сдавать в печать...
«Кому он нужен, этот «Спутник»?
Во всяком случае – не мне,
А ВАМ! Подумаешь, забота –
Изобразить отчет по НИР!
Для нас подобная работа,
Как лишний раз сходить в сортир!»

Но в остальном – не жизнь, а диво!
Такую жизнь для коллектива,
Какую создал нам Мурад,
Устроить каждый был бы рад.

*

Ведь посмотреть на институт:
Кипит работа там и тут,
Министры ездят взад-вперед.
Берут Мурада в оборот,
Но за его большой спиной
У нас – согласие и покой,
Глядишь, кого-то и повысят...
Как много, все-таки зависит
От точки зрения людей
(И быстрых выводов из ей...)

Считают все, что мы – в опале,
Что нам работать не дают,
Поскольку в пекло не суют.
А в результате – что в финале?

Айнбиндер книгу написал.
Тамаркин – девок нарожал.
Даже Вильшанский защитился
(Везет же дуракам подчас!)
И потому любой из нас
Считал, что своего добился.
Но Шеф, как прежде, не у дел..

И вдруг Капланов заболел.

Владимир Шмаевич Марголин
Сказал: «Мурад серьезно болен,
И это, в общем, оттого,
Что доконал ваш шеф его.
Теперь дела пойдут вразброд
Пока Капланов не уйдет».

И точно – начались волнения.
Поскольку все Постановленья
Им были сорваны пять раз,
Министр ужасно рассердился,
И сгоряча издал Приказ,
Чтобы Капланов удалился.
А для решенья всех вопросов
Назначен... кто же?... Дубоносов!
Хоть он не доктор, не герой,
Зато, конечно, парень свой,
И сможет усмирить врагов,
Раз уж Капланов нездоров.

Сперва Айнбиндер ликовал.
Еще бы! Стасика он знал
Лет десять минимум. Однако,
И этот оказался бяка...
Шеф не учел лишь одного:
Мурад сам выдвинул его,
И с ним работая давно,
Он знал, что это за гавно.
А предложил его в надежде,
Что Дубоносов, как и прежде,
К наградам будет равнодушен,
Ему окажется послушен,
Не будет лезть в его дела...
Но все же не его взяла.

И лишь подписаны бумаги –
У «ДСП» прилив отваги.
Ему бы только взять бразды,
А остальное – доы!

О, как коварна ты, Природа!
И после третьего захода
С седьмого на второй этаж
С Иосифа слетел кураж...
Он понял: «ДСП» не воин,

И если сам он недостойн
Иметь отдел лишь потому,
Что так хотелось кой-кому,
Тому одна причина – НОС!
И вмиг решается вопрос.

Каким бы ни был он арапом,
Не всюду можно взять нахрапом.
Хоть мир похож на блиц-турнир,
В нем Лисин есть и Авенир.

И, помянув «такую мать»
Ему осталось лишь сказать:
«Все это, в общем-то, ***ня,
Нет, этот мир – не для меня!»

*

Он – доктор. Это лучший щит
Для тех, кто рядом с ним стоит,
Ну и ему, понятно, тоже.
Отдел не дали? Ну и что же?
Еще никто не доказал,
Что он при этом проиграл,
А «в темную» наш шеф не ставит:
Ведь неизвестно, кто возглавит
Всю эту свору дураков...
А вдруг товарищ Тепляков?!

Напротив, в данной ситуации
При наступающей реакции
Дерьмо расхлебывать ему
И в самом деле ни к чему...

Он говорил нам: «Поживем,
Понаблюдаем, подождем...
Коль мы не чувствуем всех нитей,
Не будем торопить событий.
Такой директор – просто клад
Для тех пронырливых ребят,
Кто хочет греть на деле руки,
И выйдет ли у нас чего,
Зависит только от того,
Кто будет замом по науке:
Михал Семеныч? Богачев?
А может, даже Воробьев,

Или какой другой мудила?

И станет ясно, есть ли сила,
Которая поддержит нас,
Или опять рабочий класс
Всего Советского Союза
Узнает, надорвавши пузо,
Почем сегодня лиха фунт,
Создав очередной «Корунд».

Пока что будем холить «Бету»,
К тому же «КИА» есть у нас.
Прекрасна жизнь!!» Но как-то раз
Нам сообщают по секрету,
Что будет Камнев – новый «зам»,
Что заинтересован Сам
И в том, чтоб власть была крепка,
И в прекращеньи бардака.

*

Для шефа это – как бальзам.
Ему доносит агентура,
Что тот – достойная фигура:
Хотя и молод, но зубаст,
И сто очков любому даст...

*

Не поднимаясь до верхов,
А именно – до тех кругов,
Где происходят Назначения,
И принимаются Решенья,
Мы не беремся вам сказать,
А можем лишь предполагать,
Что побудило Руководство
(Неужто нужды производства?)
Решить, что Женя Камнев гож,
А Немировский – нет. И что ж?
Как Дубоносов ни ломался,
И как бы ни сопротивлялся,
Назначен все же Камнев был.
И пыл у многих поостыл...

*

Тому причин найдем немало,
Поскольку с самого начала
Он был известен в КГБ
Как малый инициативный,
Необычайно продуктивный,
Весьма толковый, и т.д.
И потому к его судьбе
«Сам» не остался безразличен,
И был настолько энергичен,
Что на одной из частных встреч
Повел о нем такую речь:
«Мол, будет институт усилен,
Что, мол, ему сам черт не брат...»
Но кто же в этом виноват?
Один товарищ Городилин!
Как важно, чтоб была рука
В ЦК, ЧК и в ВПК!

*

Но, как случается всегда,
Когда проточная вода
Вольется в старое болото,
Со дна поднимется вся муть.
И эту муть не зачерпнуть
Умеет далеко не каждый...

И вот все узнают однажды
О том, что Генка Яровов –
Бревно, дурак из дураков,
Вчера завкадрами назначен!
Бесспорно, выбор сей «удачен»,
Ведь сказано – коль нет идей,
Повсюду ставь своих людей!

И вот, как только шобла эта
В своих расселась кабинетах,
То начался такой бардак,
Что, кажется, любой дурак
За дело взявшись как угодно,
Не наломал бы столько дров,
Как эти двое мудаков.

*

Но чувствовать себя свободно

Ни тот и ни другой не мог,
И Жене нужен был предлог,
Чтобы получше укрепиться.
Он должен чем-то отличиться,
И показать им, «наверху»
Вполне наглядно «Who is Who».

Казалось, должен бы с опаской
Он относиться ко всему,
Недавно потерпев фиаско
С работой «б»...Но потому
Теперь нуждался в реноме,
Ибо по горло был в дерьме.

А, вот и нужная работа...
Не бог весть что, но все же «что-то»:
«Корунд-АС». И с места – в бой
Ведет весь «ящик» за собой
Наш замдиректора. «По коням!
И мы Гуськова перегоним!»

Вновь лихорадочный аврал,
Ну и, естественно, провал...
Работа принята формально,
Но подмочил фундаментально
Он репутацию свою,
Подсунув сам себе свинью...

*

Теперь известно достоверно,
Что дело было крайне скверно:
Любые пробуя пути
Чтобы Гуськова обойти,
Евгений (по словам Белова)
В то время выглядел хреново...

Но вот однажды Зильберман
(По мнению Камнева – болван)
Вдруг сообщает: «Во ВНИЭМе
По соответствующей теме
Есть колоссальнейший задел...»
Евгений снова возмудел
И выдал новую идею
Для проработки... Алексею.

*

Сначала удивлялись все мы:
Под видом метеосистемы
Создать систему КГБ?!!!
И, видимо, в ее судьбе
Не приходилось сомневаться:
Проект сей должен был остаться
Лишь на бумаге. Оттого
Шеф не поддерживал его.
Но вдруг...О, Случай! О, награда
За выдержку! Олимпиада
Была назначена в Москве!
Заговорили о заказе
На новую систему связи,
И по беседам кое-с-кем,
По недомолвкам, разговорам,
И по ожесточенным спорам
Айнбиндер понял раньше всех,
Что ждет его большой успех.
И в бой свои резервы двинул...

*

Соединивши воедино
Идею Камнева, «Нептун»,
Потребности Олимпиады,
Вполне возможные награды
(Как намекнул ему Страфун,
Без интересов ГРУ ГШ
У нас не выйдет ни шиша),
И, что, конечно же, сверхценно –
Многочувственную антенну,
Он получил «добро» от Жени,
И тотчас всех привел в движение...

**

Все выглядело авантажно:
Мол, лично для него – неважно,
Кто, скажем, предложил «лучи»
(А ты, Вильшанский, помолчи!),
Скачки в пространстве, ВРК,
Возьми любого дурака –
Он наворотит больше втрое...

По мысли нашего героя

Важна идея – как связать
В одну логичную систему
Всю трепатню на эту тему,
Суметь понять, с чего начать,
И чем закончить всю работу,
Не потрудившись ни на йоту.
А в этой области ему
Нет равных. То ли никому
Заняться этим неохота,
То ли еще причина в чем,
Но вся ответственность – на нем,
И в этом – вся его работа.

*

Нам здесь, конечно, не пристало
Военной тайны покрывало
Хотя б немного приподнять,
И вам рассказывать не смею
Я про «Электро»-эпопею,
Одно достаточно сказать,
Что года через полтора
Борьбы с Чернявским и Гуськовым
Настала жуткая пора:
Вместо того, чтобы начать
Нам заниматься чем-то новым,
У Жени стали отнимать
Одну работу за другой...
Но кто-то должен быть виной
Сего ужасного провала?!
И Камневу казаться стало,
Что так случилось оттого,
Что Биндер «малоуправляем»,
(Ну, мы-то все, конечно, знаем,
Что так считал еще Мурад)
Что лишь Айнбиндер виноват
В ужасной этой катастрофе
И лишь по милости его
Мы все сидим в глубокой жопе...

*

Теперь удел наш – только НИРы,
И вот, как в прежние года,
Вновь льется целый день «вода»,
Сидим, решаем судьбы мира,

Легко жонглируем словами
МО, ВМФ и ГРУ ГШ,
Однако чувствует душа.
Что все идет к такой-то маме!

*

На этом, милый мой читатель,
Мы распрощаемся с тобой.
Но будь уверен – наш приятель
Останется самым собой.
Он будет радоваться жизни,
Он пользу принесет Отчизне,
И, верный памяти отцов,
Плевать хотел на подлецов.

*

Измайлово-ВДНХ-Таганка, 1976

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Девятый вал»

Никто из нас не знает точно,
Кто гениален, а кто – нет,
И кто из нас способен сочный
В Истории оставить след...

Хоть рукописные журналы
Теперь никто не издает,
Но все ж в истории анналы
Сей – несомненно попадет,

И, безусловно, по заслугам
Нам всем потомки воздадут –
И стихотворческим потугам,
И восхищению друг другом,
И мне, кто, пользуясь досугом,

Создал сей очень скромный труд.

*

Закончивши вторую часть
Великой современной Саги,
Не ощущал я долго тяги
Творить, писать... Но та же страсть
Мной овладела понемногу.
Теперь я вновь беру в дорогу
И карандашик, и блокнот.
За поворотом – поворот...
И в старую поэму вновь
Влагаю мысль, и пот, и кровь...

*

Оставив нашего героя
Наедине с самим собою,
Связав «руками по ногам»
(Как выражается он сам),
Мы поступили некрасиво.
Какими б ни были мотивы,
Друзей в беде нельзя бросать.
И мы решили продолжать
Спустя три года описание
Его изменчивой судьбы...

Итак, в каком же состоянии
После столь длительной борьбы
Найдем теперь мы Бен-Мирона?
Увы! Он снова вне закона!

*

Очередной конфликт возник
(Хотя и был довольно кратким)
Когда его же ученик,
Известный всем А.В.Касаткин
(Начальник нашего отдела)
Дошел до крайнего предела,
Пытаясь нейтрализовать
Попытки Биндера опять
Гальванизировать «Дракона».
И с высоты своего трона
Решил, что с ним пора кончать...

*

Кто мог предполагать тогда,
Что надвигается беда?

*

Все выглядело очень просто.
Едва наш шеф уехал в Хосту,
Где, как обычно, отдыхал,
Как Камнев организовал
Приказ о срочном переводе
Его к Хевролину Володе,
Чтоб он, освобожден от дел,
«Научный» создавал задел.

Казалось, все должны быть рады?
Теперь разрушены преграды!
Отныне все нам нипочём!
Но хитрость состояла в том,
Что упомянутым приказом
Решались все проблемы разом.
А именно – переведен
К Хевролину был только он.
Вильшанский куплен с потрохами
(Получит сектор, может быть)
Тамаркин тоже должен жить,
И не одними сухарями...

*

Но Биндер все-таки доволен.
Начальник у него – ХЕВРОЛИН!
Пусть фокус Камневу удался,
Но он с «Драконом» распрощался
Ничуть об этом не грустя...
А пару месяцев спустя
Переменилась конъюнктура:
Судьба – индейка, но не дура,
И вдруг опомнилась она:
Глядь! Появляется «Волна»!

*

Волна очередных идей
Его захлестывает снова:

Вернуть к себе своих людей,
Вернуть Вильшанского, Орлова...
Орлов давно уж с Лешей в ссоре,
Вильшанский – в безутешном горе,
Разрыв с профессором ему
И в самом деле ни к чему;
К тому же, Камневым обманут,
И сектора не получив,
Он будет менее спесив,
И чуть поболее подтянут...
Приказ – в печать! Зеленый ёсть свет!
Теперь начальник – Коля Несвит.

*

Известно всем уже давно
(И этом, право, нет поклёпа),
Что Коле дорого одно –
Его начальственная жопа.
Всегда достоин похвалы,
Всегда в каких-нибудь заботах,
Он любит сглаживать углы,
И обходить на поворотах.

Сильна политика такая
Тем, что он может круглый год
Вертеться *около* работ,
К ним никогда не приступая.

На все на это шеф плевал –
Лишь бы начальник не мешал!
А раз ленив он от природы,
То даст нам максимум свободы:
Пусть пашут! В результате он
Когда-то будет награжден.

*

И вновь работа закипела.
Нас всех объединяет дело.
Орлов доволен. Вили – рад.
Дела опять идут на-лад...

Никто не думал, что Эрлен
Захочет новых перемен...
И нам внезапно сообщают,

Что Дубоносова снимают.

Да, Стасик явно не годится.
Не смог он даже защититься!
А уж на бедный институт
Теперь везде и все плюют!
Взамен такого дурака
Нужна Железная Рука!

*

Рука нашлась довольно быстро
(Ах, если б к ней – и голова!)
И вот, по прихоти министра
Открылась новая глава,
Эпоха в жизни института –
Пик диктатуры, абсолюта...

*

Антон Биленко найден был
В Воронеже. По слухам слыл
Квалифицированным малым,
Причем с большим потенциалом.
Профессор, доктор и герой,
И за своих всегда горой...

*

Но лишь пропискою московской
Успел обзавестись Антон,
Как на Большой Калитниковской
Был наведен ужасный шмон.

Зуд колоссальный потрясений
Ему покоя не давал.
И вот, под видом укрупнений
Вновь испеченный кардинал
Устроил в феврале точь-в-точь
Варфоломеевскую ночь...

Программа действий у Антона
Была вполне определена:
Любые изыскать пути
И средства, чтоб перевести
Всех инженеров – в лаборанты,

Всех кандидатов – в адъютанты,
А чтоб в дальнейшем можно стало б
Из остальных веревки вить,
Необходимо заменить
Всех докторов – на генералов,
Уволить Рофе, и тогда
Производительность труда
В сравнении с каменной эпохой
Окажется весьма высокой...

*

И вот МНИИРС (в который раз!)
Потряс очередной приказ:
«...усилить... упразднить.. уволить...
...образовать... перевести...
...назначить... вывести... удвоить...»
Перевернуть, перетрясти,
Не пощадить ничьих седин,
Всех запугать, всех взять за вымя,
Всем показать, что бог – один,
И что ему «Биленко» - имя!

*

Но, к удивленью, этот вал
Наш сектор как-то миновал.
Иосиф ходит «руки-в-брюки»:
«Антон – мудрец, хоть и суров.
Он понимает – суть в науке,
И он не тронет докторов!
Все, что он делает – прекрасно!
Ведь положение ужасно!
В каком прорыве институт!
Отделы как грибы растут!...»
...И вот, на самой верхней ноте
(Еще не кончился квартал)
Айнбиндера Биленко снял
«За отставание в работе».

*

Да, это был «девятый вал»...
Но Биндер все же устоял.
И на его дубленой коже
(А также, впрочем, и на роже)

Не отразилось ни-че-го!
Уконтрапупили его?
Ну, что ж! Он отомстит врагам!
Пусть весь МНИИРС летит к чертям!
Плевать! Ведь главное условие:
Не пострадало бы здоровье!

*

Но этого Антону мало
(Хотя чуток полегче стало)
Сперва он Рофе задавил,
Затем и Камнев отвалил
(Добрался все ж до докторов!)
А где же Ваня Богачев?
Он, как и прежде, процветает,
Чины по-прежнему хватает,
И, видимо на пару лет
Он занял Женин кабинет.

*

Терпеть все это мОчи нету,
Расплата близится уже,
И вот, на стенке туалета,
Что на четвертом этаже
Какой-то храбрый патриот
Такую надпись «выдает»:
«Пусть всем расскажет эта стенка
Какой мудака А.П.Биленко».

*

И слух пополз по коридорам
По кабинетам сверху вниз,
Что скоро снимут, мол, Антона,
Что, мол, развалит он МНИИРС...
Но крепок, крепок институт.
Уволят – новых наберут...

И вот, глядишь, уже забыли
И «Альфу», «Бету», и «Сегмент»,
И во дворе, где мы курили
Когда-то «Мальборо» и «Кент»,
Сойдутся люди в уголке
Вздыхать о новом бардаке...

*

Увы, «комедия финита»!
Вся наша гвардия разбита.
Все разбежались кто куда...
И лишь Айнбиндер, как всегда,
Над всем болотом возвышаясь,
Внушает нам, что жизнь - борьба!

Я этому не удивляюсь.
Ему, как видно, не судьба
Узреть плоды трудов своих...
И, распечатав на троих
Бутылку старого «Боржома»,
Мы, у меня собравшись дома,
Припомним всех директоров...
Они уж «там», а он – здоров!
Где Станислав? В каких краях?
А я вот ежжу в «Жигулях»!
Еще бы! Мне износу нет!
Я проживу еще сто лет!!

*

(Цензурой выброшено 28 строчек)

*

F I N E

В конце любого сочиненья
Мы ждем всегда нравоученья,
Мы ждем какой-нибудь совет,
Мораль – набор негодных правил...
Но наш герой себе оставил
Одну мораль один завет:
Он прост, как правда, и суров.
Гласит он ясно:
БУДЬ ЗДОРОВ!

Москва, Успенское, 1979

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Вечный жид»

Прошло немало долгих лет,
Как я аллаху дал обет
Не написать ни строчки боле...
И точно – не давал я воли
Ни мыслям, ни речам своим.

Уже давно мы не сидим
С Айнбиндером в одной конторе,
Слюнями не исходим в споре,
Весь день не чешем языки,
И что кругом все дураки
Давно уж каждому известно...

Как это, все-таки чудесно –
Забуть про допуск и режим,
Партком, завком и иже с ним
(Не говоря худого слова),
Забуть про Несвита, Чиркова,
Забуть десятки разных рож...
(Хевролин, правда, был хорош).
И хоть Айнбиндер друг нам, все же
Здоровье, знаете ль, дороже!

*

Все так. Но что же наш герой?
Он что, по-прежнему горой
За правду-матку? Бьется смело
И делает при этом дело?

Какой чудесный создан буй!
И что с того, что снова ***

Кладут на трижды ветерана!
Он, как и прежде, утром рано
Приходит в свой родной МНИИРС,
И на Биленку сверху вниз
Глядит. Его не замечает.
Его отнюдь не огорчает,
Что он, ученый, ветеран,
Засунут им на задний план.

Он твердо верует, что вскоре
На радость всем (или на горе?)
Другие времена придут.
Его труды не пропадут,
Они лишь почву подготовят...
Биленко, все же, уберут
И справедливость восстановят,
Отдавши должное ему...

Но удивляться здесь к чему?

Ведь он создал свои догматы,
Когда вокруг него солдаты
Под артогнём (подчас своим)
На танках перли в бой и в дым.

И хоть теперь другое время,
И выросло иное племя,
И уж не Сталин – Главкововерх,
(Смотри 16 строчек вверх...)

*

Теперь меж ним и руководством
С изяществом и вероломством
Водвигнут буфер: Норкин, «Граф»,
И этот длинный, как жираф...

Не нужно быть седым пророком,
А нужно лишь задаться сроком,
Который должен наступить:
Ведь ясно каждому: любой
Из этих трех – ни в зуб ногой!
Любое дело развалить
Вполне хватило одного бы
(На Графе негде ставить пробы)...
Но чтоб дать делу нужный ход,

Чтоб гарантировать исход
И шефа вывести из строя,
В бой были введены все трое...

*

Казалось бы – собачий бред!
Спокойно! В том-то и секрет,
Что игнорирует Антон
Экономический закон.
Ему плевать, что не войдут
В эксплуатацию «Сургут»
»Алмаз» и прочие системы;
Плевать на выполнение темы
И по созданию буя...
(У них ведь денег до ***,
Как говорится, «Жопой ешь!»)
А Сверху уж проели плешь:
«Убрать очаг сопротивления!
Убрать последнего жида!»
А как убрать его, когда
Ему почет и уваженье?!

Он все работы выполняет,
За них медали получает,
Известно всем, кто он такой;
Его отправить на покой
Труднее, чем поставить к стенке,
И это вряд ли по плечу
Даже такому ловкачу,
Как самому А.П.Биленке!

*

И вот созрел коварный план.
Поставлен Биндеру капкан.

Пройдя суды и пересуды,
И обломав на шефе зубы,
Биленко понял, наконец,
Что спровоцировав капец
Любого Биндерова дела,
Получит он возможность смело
Начальников у шефа снять,
Его ж – на пенсию убрать...

*

Тогда, при прежнем руководстве,
Хотя и было много дел,
Но Биндер делал что хотел,
И сам «горел на производстве».

Такой начальник, как Белов,
Подписывал без лишних слов
В любое время дня и ночи
Ему командировки в Сочи...
(Для испытания буя
Он выбрал теплые края.)

Какое счастье для Союза,
Что Несвит, холя свое пузо,
Ему подсунул как-то раз
Гражданский, вроде бы, заказ»
Когда б с его энтузиазмом,
Порой граничащим с маразмом,
Работал Биндер на войну,
Он разорил бы всю страну...

А так – прекраснейшая тема:
Международная система!

Представьте-ка: наш самолет,
Дальний Восток. Ночной полет...
И вдруг – японская ракета!
Как вам понравится все это?

Но мы на все ложили ***
Пилот выбрасывает буй,
И, поминая чью-то мать,
Все принимаются спасать
Тех, кто сумел за буй схватиться,
Чтобы в темноте не утопиться.
Двух-трех находят, что смекнули,
А остальные – утонули...
Ведь буй-то легонький, как сон,
Ему бы весить пару тонн,
Иль тонны три... тогда бы даже
Могли спастись и экипажи!

*

Но мы немного отвлеклись...
Биленкин план был – зашибись!
Увы, расчет не оправдался.
Товарищ Графчиков зазнался,
Себя Великим возомнив.
Предвидимый Биленкой срыв
Основан на плохом расчете:
Срыв есть. Но – по другой работе!

И вновь Биленко разъярен,
И вновь сплеча рубает он...
Где Граф? В дерьме.
Минаев? В жопе...
Да, представителя в Европе
Всего МНИИРСа по буям
Он просто выкинул к ***м.

Какой пример для молодежи!
О, да! Он их научит жить!
Хоть ты и вылезешь из кожи,
И будешь преданно служить,
Носить хозяину поноску,
Чтоб он увидел: свой ты в доску,
И по приказу палача
Сознательно, не сгоряча,
На друга будешь делать стойку,
Тебя отправят на помойку!

*

Итак, настал контрольный срок.
Сейчас подводим мы итог
Четырехлетнего молчанья.
И, как с большого расстоянья
Видна высокая гора
(И незаметна в ней нора),
Так, сквозь времен и лет течение
Ясней туманное виденье,
Ясней величие того,
Кто нам внушал науку боя,
Кто вел в атаку за собою
Не понимавших ничего,
Вел в бой без страха и сомненья
И принимал за нас решенья...

*

Он растерял свои полки.
Где все его ученики?
Их удивителен пример:
Они на все ложили ***!
Ученье своего пророка
Забыв, иль выбросив к чертям,
Не восприняв (о, стыд и срам!)
Ни одного его урока!

Досадно же, в конце концов,
Что воспитал «не мудрецов»,
Ведь их не тронь, и не отшлепай!
И чтоб не потерять лицо,
К ним нужно повернуться жопой!

*

Он подбирал их по мозгам,
(Рукам, ногам и прочим членам),
Привык к предательствам, изменам,
Привык к их высшим орденам,
Берег, как маршалов своих...
Но был ли хоть один из них
Ему подобен, пусть не равен?
Кто был достоин (пусть бесславен)
Принять наследие идей?

Да где найти таких людей?
Откуда взять, скажи на милость?
Ведь без особого труда
Припомним мы, что никогда
В МНИИРСе их и не водилось....

Москва-Успенское, 1985